СЕМАНТИКА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, 15-16 МАЯ 2018 г.

УДК 821.161.1

ББК 82.3-004.7:83.3я431

С30

Рецензенты:
С. А. Джанумов, доктор филологических наук, профессор ГАОУ г. Москвы «Московский городской педагогический университет», профессор кафедры русской литературы

Н. В. Трофимова, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры русской литературы

С30 **Семантика народной культуры в литературе** : материалы международной научно-практической конференции, 15-16 марта 2018 г. / под научной ред. Л. А. Трубиной, Е. Г. Чернышевой, Д. В. Абашевой ; сост. Е. М. Жабина. – Москва : МПГУ, 2018. – 168 с.

ISBN 978-5-4263-0691-2

Сборник подготовлен по материалам международной научно-практической конференции *«Семантика народной культуры в литературе»*, проходившей 15-16 марта 2018 г. в Институте филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ). В сборник включены научные статьи по наиболее актуальным вопросам семантики фольклора в жанровых и стилевых поисках литературы, преемственности эпох в литературе и фольклоре, традициям исторической поэтики и эволюциям фольклорных форм в литературе, проблемам этнокультурного образования в современной педагогической деятельности.

Книга предназначена для преподавателей, студентов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся вопросами истории культуры, литературоведения и фольклористики.

На обложке – *Вышивка (элемент вышивки «подзор»). XIX век, Россия. Из собрания музея Метрополитена. Лен, шелк, металл.*

УДК 821.161.1
ББК 82.3-004.7:83.3я431

ISBN 978-5-4263-0691-2

© МПГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю ……7

Д.В. Абашева. Семантическая многоплановость текста народной культуры в литературе ……9

С.А. Васильев. Традиция как «фон» и как «стиль» (особенности древнерусской литературы в вузовском преподавании) ……17

Н.В. Трофимова. Орел и змея в русском фольклоре и литературе XII – начала XIX вв. ……26

Е.В. Николаева. Мифопоэтический подтекст романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» ……35

С.В. Тихомиров. Образ Дьявола в творчестве А.П. Чехова: «Сапожник и нечистая сила», «Чайка», «Случай из практики» ……40

Е.А. Самоделова. Экскурсии как литературный жанр и образ жизни Е.В. Честнякова ……48

СЕМАНТИКА ФОЛЬКЛОРА
В ЖАНРОВЫХ И СТИЛЕВЫХ ПОИСКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

В.Е. Денисова. Фольклорные мотивы в изображении святых жен Древней Руси ……55

А.С. Жулева. Триада в фольклоре и литературе ненцев ……60

Ж.А. Вартазарова. «Великан с серебряной головой» – И.С. Тургенев глазами К.Д. Бальмонта ……66

Е.С. Рзянина. Песни в творчестве Бориса Викторовича Шергина …74

Е.В. Иванова. Фольклорные мотивы в поэзии Е. Камориной ……79

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭПОХ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

А.Л. Маханькова. Особенности функционирования мотива любви в русской повести XVII века (на материале «Повести о Тверском Отраче монастыре») ……82

М.И. Журина. Демонологические персонажи в повести «Русалка» О.М. Сомова ……87

М.А. Вихрева. «Избяной космос» в художественном пространстве новокрестьянской поэзии ……93

В.Д. Серафимова. Своеобразие фольклорных мотивов в сказках А. Платонова ……98

А.А. Соболева. Образ огня в стихотворениях об отечественных войнах ……107

ТРАДИЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМ В ЛИТЕРАТУРЕ

Е.А. Шаронова. Образ героя – покорителя змеев в эрзянском фольклоре и эпосе «Масторава» ……117

В.Б. Сорокин. Отголоски фольклорных плачей в литературе Древней Руси и XVIII века ……125

К.А. Усатов. В.Г. Белинский об особенностях сказок И.И. Башмакова (Ивана Ваненко) ……136

А.Е. Чернова. Звездно-лунная символика в повестях Веры Галактионовой (фольклорные и древнерусские мотивы) ……141

КРУГЛЫЙ СТОЛ
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.М. Жабина. Русский детский фольклор: проблемы изучения 148

А.Л. Фокеев. Формирование профессиональных компетенций студентов-бакалавров во внеаудиторной работе по курсу устного народного творчества ……152

Т.Ю. Хэмлет. Использование загадок, прибауток, сказок в иностранной аудитории на уроках русского языка (начальный этап обучения) ……157

Н.К. Курбанова. Фольклорный образ в поэмах А.Т. Твардовского «Василий Теркин» и «Теркин на том свете» ……164

Д.В. Абашева

доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет

D.V. Abasheva
doctor of Philology, Professor,
Moscow state pedagogical University

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ТЕКСТА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

The semantic multidimensionality of the text of folk culture in literature

Аннотация. Многогранные филологические проблемы исследуются в современных гуманитарных науках в связи с функционированием, рецепцией, интерпретацией художественных текстов. В статье актуализируются различные аспекты понимания взаимодействия текстов народной культуры с профессиональным искусством. Семантическая многоплановость текста народной культуры – это то текстуальное пространство, которое приковывает внимание исследователей народного творчества, а проблема семантического анализа текста привлекает фольклористов и литературоведов. Востребованность семантического анализа и в фольклористике, и в литературоведении дает основание рассматривать его как основу для анализа присутствия образа народной культуры в разных авторских семантических вариантах в литературном произведении и продолжить методологические поиски в изучении его функций уже не только в художественном, но и в историческом, научном, искусствоведческом тексте.

***Ключевые слова*:** народная культура, семантика образов, традиция, текст народной культуры, семантический анализ, семантический вариант, взаимодействие.

Annotation. Multifaceted philological problems are studied in modern humanities in connection with the functioning, reception, interpretation of artistic texts. The article actualizes various aspects of understanding the interaction of folk culture texts with professional art. Semantic multidimensionality of the text of folk culture is that textual space that attracts the attention of researchers of folk art, and the problem of semantic analysis of the text attracts folklorists and literary critics. The relevance of the semantic analysis in folklore studies and literary studies gives grounds to consider it as a basis for analyzing the presence of the image of folk culture in different

authorial semantic variants in a literary work and continue methodological research in the study of its functions, not only in the artistic but also in the historical, scientific, art history text.

Keywords: folk culture, semantics of images, tradition, folk culture text, semantic analysis, semantic variant, interaction.

Идею создает сам народ, такую, какая возможна в данном состоянии его развития…
А.Н. Веселовский

В стихотворении Н. Рубцова «Хлеб» происходит столкновение духовно-нравственного мира двух поколений: лирического героя, отправляющегося в *путь* (семантика *пути* в русской культуре пронизывает все формы повествований), представителя нового времени (начало 70–х годов XX века) и бабки, старухи, прожившей долгую жизнь и обладающей знанием народной традиционной мудрости.

Хлеб
Положил в котомку сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял. – Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль!
– Все же бабка сунула краюху!
Все на свете зная наперед,
Так сказала: – Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет…

1964 г. [4]

В семантике образа *хлеба* прослеживается на эмоциональном уровне понимание народного представления о том, что не просто «хлеб – всему голова». Такое восприятие этого образа постепенно уходит из быта и суждений молодых людей времени: хлеб перестал быть редкостью, его даже раздавали в столовых бесплатно…. Появляющееся пренебрежительное отношение к хлебу передается сниженной лексикой («Волочиться с ним в такую даль», «сунула краюху»). Однако в диалоге, характерном для построения народных лирических произведений, духовное преимущество остается все же за Старухой, которая *передает* традицию почитания и уважения хлеба через сохранившуюся в народном сознании семантику образа *хлеба* – «Хлеб, родимый, сам себя несет»… Пренебрежительное отношение к хлебу сменяется на традиционное для народного понимания, уважительное, благодаря эпитету «родимый» и

олицетворению «сам себя несет». В семантике этого образа прослеживается осознание того, что не просто «хлеб – всему голова», а «хлеб – Божий дар», отец, кормилец, батюшка, хлеб в традиции воспринимали и как всякую пищу для человека. «Только Ангелы с неба не просят хлеба». Пренебрежительное отношение к хлебу сменяется на традиционное для народа не просто учтивое, благодаря эпитету «родимый» и олицетворению «сам себя несет», а на понимание его насущной необходимости и важности: хлеба ни куска, так и в тереме тоска; а хлеба край, так и под елью рай; хлеб на стол: и стол – престол; а хлеба ни куска – и стол доска! Русский человек мечтал о хлебном месте, встречал хлебом – солью друзей и недругов. Лирический герой Н. Рубцова сторонник сохранения народной традиционной мудрости, что прослеживается даже в одном этом стихотворении. Образ народной культуры связан в миропонимании поэта, с семантикой образов предков, потомков, передачи традиции и, конечно, образом *хлеба*, вырастающего, как и в народной культуре, до символа. Индивидуально авторское художественное сознание принимает идею, которую создал народ в вековом развитии и транслирует её через семантику образа народной культуры, который занимает основополагающее место в лирике поэта и наполнен эмоциональным звучанием, представление о значимости хлеба в народной жизни, важнейшая грань этого образа. В данном состоянии развития народной жизни, как отмечал А.Н. Веселовский, идею, созданную самим народом, необходимо было транслировать через авторское сознание талантливых представителей народа, сохраняющих традицию. *Напомнить о ценностной парадигме народного мира через этот образа важно для писателя***.**

Многогранные филологические проблемы исследуются в современных гуманитарных науках в связи с функционированием, рецепцией, интерпретацией художественных текстов.

Актуализируются различные аспекты понимания взаимодействия *текстов народной культуры* с профессиональным искусством. Не случайно коллективная монография ученых кафедр русской литературы «Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации» [5] посвящена ключевым понятиям этих взаимоотношений.

Проблематика конференции, несомненно, продолжает и развивает научные традиции современного изучения текста как ключевого теоретического понятия: текст как понятие, выходящее за пределы индивидуально авторского художественного сознания, трактуется, в данном случае, как стоящее за пределами собственно текстуальной проблематики в традиции и компаративистики. Этимологическое

значение слова текст (означает буквально «ткань, связь, сплетение») отсылает к широкому пониманию термина, которое интерпретирует **текст** *как определенным образом устроенную совокупность любых знаков, обладающую формальной связностью и содержательной цельностью.* Понятие «текст народной культуры» включает в себя все признаки текста в широком семиотическом значении – и словесный ряд, и изображение, и динамические элементы, и звук, и фольклорные образы, и приемы исторической поэтики, и народную веру, и мифологию. Еще в 70-е годы XX века М.Л. Гаспаров писал: «Эпитет «семантический» ненамеренно возник уже в наших работах, …кажется, прижился в большей степени» [1, с. 284].

Семантическая многоплановость текста народной культуры – это то *текстуальное пространство*, которое приковывает внимание исследователей народного творчества, а проблема семантического анализа текста привлекает фольклористов и литературоведов. **Семантика** рассматривает *отношение* знаков к обозначаемому. В работе «Семантика фольклорного текста и «знание традиции»» С.Ю. Неклюдов отметил, что «проблема ***семантического анализа*** приходит в фольклористику из лингвистики и семиотики, и со временем термин ***семантика*** становится чрезвычайно употребим, обозначая весьма широкий круг явлений, что видно по соответствующим контекстам. В научной литературе, говорится, например, о ***семантике текста***, ***семантике обряда***, ***семантике жанра*** (например, сказки, причитания, частушки, мифа и т.д.), ***семантике мотива, семантике сюжета*** и т.д. В подобных случаях он, вероятно, употребляется вместо слова ***значение*** – во избежание полисемии и коннотативной перегруженности этого слова, навязанными обыденной речью» [3]. По мнению автора «активность появления термина несомненно свидетельствует о его востребованности в фольклористике, хотя он остается не вполне строгим и зачастую используется инерционно, без отчетливого осознания его смысла и без достаточного понимания того, для чего вообще он нужен фольклористу» [3]. Ситуация не изменилась, поэтому этой проблеме и посвящен сборник научных статей по итогам конференции.

Сравнивая термин семантика применительно к текстам фольклора с литературоведческими категориями «содержание», «смысл», С.Ю. Неклюдов справедливо полагает, что в современной науке «эти понятия в той или иной степени входят в аппарат семантического анализа» [3].

Необходимо акцентировать внимание на том, что это понятие возникло ранее в литературоведении. Именно востребованность

семантического анализа и в фольклористике, и в литературоведении дает основание рассматривать его *как основу для анализа присутствия образа народной культуры в разных авторских семантических вариантах в литературном произведении* и продолжить методологические поиски в изучении его функций уже не только в художественном, но и в историческом, научном, искусствоведческом тексте. Для чего же этот эпитет нужен фольклористу, литературоведу, искусствоведу? Семантическая многоплановость текста народной культуры в авторском прочтении не вызывает сомнения у современных исследователей. Это отчетливо проявилось и на IV съезде фольклористов. Фольклор в последние десятилетия воспринимается в фольклористике и литературоведении не только как словесное устное народное творчество, включающее жанровые структуры, своеобразный художественный историзм, историческую поэтику, историко-литературные явления – от конкретного фольклоризма внутри творчества отдельного писателя, деятеля культуры до сопоставления истории литературы с историей фольклора. В этой истории зарождается и развивается сам *образ* народной культуры в конкретном историко-литературном процессе каждого времени, эпохи, творческой личности, созидающей в контексте своего времени. Модификации в восприятии народного творчества порождают внимание к целому ряду теоретических и методологических явлений, объединенных понятием «текст» в осмыслении, синтезирующем как частные вопросы функционирования образов народной культуры в конкретной творческой истории одного произведения или автора, так и выходящие за пределы собственно текстуальной проблематики в традицию. Многоаспектное исследование конкретных проблем восприятия, взаимодействия и анализа многогранных «текстов» народной культуры в связи с их *семантикой позволят рассмотреть всю историю русской культуры*, и не только русской. Семантический анализ особенно важен для произведений, сохраняющих мотивы и образы, интегрирующие гуманитарные науки.

Всю историю российской культуры сопровождаю проблемы соотношения, взаимодействия народной культуры с индивидуально-авторским творчеством (например, образной системой, стихом, жанрами, поэтикой). Причем справедливо замечено историками литературы, фольклористами, что этими изысканиями в области народной культуры занимались в первую очередь сами поэты, писатели, художники, музыканты, то есть созидатели, которых привлекало творчество народа или они сами создавали изнутри этого народа.

Обратимся к семантическому анализу стихотворения поэта XIX века Н.М. Языкова «Молитва»:

*Молю **святое провиденье**:*
Оставь мне тягостные дни,
*Но дай **железное терпенье**,*
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825 г. [6, с. 168].

Текстуальное пространство этого стихотворения Н. Языкова раскрывает функции народного православия в обращении к Богу (святому провиденью), которое (провиденье) может быть с точки зрения народа и не святым! Есть дух Божий и дух льстеч! Н. Языков часто вспоминал это известное выражение в своих письмах. Обращаясь с просьбой к провиденью даровать главную христианскую добродетель – терпение – лирический герой противопоставляет *жизнь новую* и *традицию*. Для жизни новой он не хотел бы меняться (обратим внимание на дату написания – 12 апреля 1825 года, еще не закончился в его запасах черный сургуч, который поэт закупил для запечатывания писем, соблюдая траур по декабристам и выражая, таким образом, свою скорбь). В авторской интерпретации терпение должно быть «железным», а сердце окамененным. *Окамененное нечувствие* по православным догматам, ни в каких ситуациях не может быть необходимо христианину. В данном же случае, в мольбе ко Господу раскрываются трудности пути человека (*сердце мне окамени*) к вратам Рая, которые определены как врата «таинственные». Таково мирочувствование самого поэта. Как и в народной поэтике, он обращается к образам мира природы, но конкретизирует пространство олицетворенным «валом белоголовым» своей любимицы Волги. Цельность мира лирического героя в текстуальном пространстве произведения передается концептом молитвы, который эмоционально перекликается с чувствами любого христианина, и в народной культуре занимает одно из важнейших мест.

Здесь намечается важнейшая семантическая проблема в создании и понимании образа народной культуры в профессионально-авторском творчестве*: идейно-нравственная позиция творца или исследователя по отношению к народной культуре*. Объективность воспроизведения образа народной культуры в художественном творчестве, да и само исследование взаимодействия народного творчества с авторским миропониманием, во многом связано с позиционированием по отношению к культуре народа самого художника или исследователя. Еще М.Л. Гаспаров пояснял, что в исторической практике определенные

стихотворные размеры связывались с разными стилями, жанрами и темами, тем самым накапливали вереницу смысловых ассоциаций. Ученый подчеркивает: «…избрать такое-то слово или размер – уже значит подсказать читателю целую сеть смысловых ассоциаций, тянущихся за ними» [1]. Что же говорить о народных мотивах, образах, жанрах, поэтических приемах, включенных писателем, историком, музыкантом в свое авторское произведение. Этот «идейно-тематический» ореол (О. Федотов) еще более заметен при обращении художника к семантике образов народной культуры.

Выявление семантической склонности образов литературного произведения к определенным мотивам, уходящим в народную историческую память, позволит увидеть целостность фольклорно-литературного контекста. Исследователю этот аспект разрешит понять основания авторского мировосприятия, вспомнить типы, образы и чувства, которые связаны с ранее воспринятыми произведениями фольклорной традиции.

Концепты, константы, символы, коды в многочисленных названиях современных исследований направлены, в том числе, и на постижение семантической многоплановости текста народной культуры в литературе. Традиционность того или иного мотива, символа или константы народной культуры в литературном произведении, в поэтических приемах автора возвращает в глубины исторической памяти народа, раскрывает историко-литературный контекст, выявляя тем самым семантическую многоплановость образа народной культуры. Напоминает о традиционной картине мира и вызывает соответствующий эмоциональный настрой, который связан с известными, хранящимися в национальном сознании, песенными, сказочными или иными образами.

«Окамененное сердце», «железное терпенье», испрошенные лирическим героем Н. Языкова, свидетельствует о смысловых ассоциациях, раскрывающих трудности жизни по достижению цельности своего духовного мира.

Семантика текстов народной культуры в литературе, в широком смысле слова, – *анализ отношений* между образами, мотивами, константами народной культуры, воссозданными в произведении, и миром автора, реальным или воображаемым. А также само это отношение (ср. выражение семантика слова и семантика мотива *пути* в народной культуре) и совокупность таких отношений (можно говорить не только о семантике любого языка, но и о семантике народной культуры) раскрывает глубинный идейно-эмоциональный настрой произведения, его пафос, выявляя тем самым семантическую многоплановость образа народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1991.

2. *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол метра. К семантике русского трехстопного ямба. М., 1979.

3. *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир: сборник материалов научной конференции / Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. М., 2005. Выпуск 8. С. 22-41.

4. *Рубцов Н.* Стихотворения. Поэзия XX века. М., 1998.

5. Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: коллективная монография / Сост. и научное редактирование Л.А. Трубина, В.К. Сигов. М., 2018.

6. *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.

С.А. Васильев

доктор филологических наук, профессор,
Московский городской педагогический университет

S.A. Vasiliev
doctor of Philology, Professor,
Moscow city pedagogical University

ТРАДИЦИЯ КАК «ФОН» И КАК «СТИЛЬ» (ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ)

Tradition as a “background” and as a “style” (features of old Russian literature in University teaching)

Аннотация: в статье анализируется теоретико-литературное понимание такого фундаментального и одновременно дискуссионного термина и явления, как традиция; анализ ведется с привлечением материала из учебной литературы для студентов вузов по дисциплине «История древнерусской литературы».

Ключевые слова: традиция, фон, стиль, особенности древнерусской литературы, национальные черты.

Annotation. The article analyzes the theoretical understanding of such fundamental and at the same time debatable term and phenomenon as tradition; the analysis is carried out with the involvement of material from educational literature for University students on the subject “History of Old Russian Literature”.

Keywords: tradition, background, style, specificity of the Old Russian Literature, national features.

Традиция – один из ключевых терминов и понятий, которые широко используются в гуманитарных науках, в культурологии, искусствознании, музыковедении, в теории и в истории литературы, а также в преподавании литературы в вузах. При этом научное понимание традиций в искусстве и в литературе, в частности, весьма сложно и многопланово. Роль, функционирование такого масштабного явления, как традиции, воспринимается исследователями по-разному.

В.Е. Хализев отметил, что «Понятие “Традиции” ныне является ареной серьезнейших расхождений и мировоззренческих противостояний, которые имеют к литературоведению самое прямое

отношение» [18, с. 1090]. Ученый подчеркнул разницу между понятиями “традиционализм” и “традиционность”. С его точки зрения, «*Традиционализм* был влиятелен в литературном творчестве на протяжении многих веков, вплоть до середины XVIII столетия, что особенно ярко сказывалось в преобладании канонических жанровых форм» [19, с. 353]. Для XIX–XX веков, с точки зрения ученого, более значимо иное понимание термина: «Органически усвоенная традиция (а именно в такой форме ей подобает существовать) становится для отдельных людей и их групп своего рода ориентиром, можно сказать, маяком, некой духовно-практической стратегией. Причастность традиции проявляется не только в виде ясно осознанной ориентации на определенного рода ценности, но и в формах стихийных, интуитивных, непреднамеренных» [19, с. 354].

А.М. Ранчин отмечал «функционирование традиции в качестве “фона”: всякое литературное явление (направление, течение, школа, произведение) соотнесено с традицией как отклонение, нарушение; новаторство воспринимается лишь на фоне предшествующей традиции. <…> Если в произведении происходит отказ от канонов далекой литературной традиции – этот отказ может быть воспринят как отказ, лишь когда в произведении есть знаки, выполняющие функцию указания на эту далекую традицию. Соотнесенность с ближайшей и далёкой традициями – два принципиально различных факта литературного процесса» [9, с. 10-11]. Исследователь подчеркнул, что «необходимо учитывать и современный произведению литературный фон – актуальную традицию» [9, с. 15].

Данные, несомненно, полезные определения современных ученых, очевидно, не лишены известного схематизма. Проявляется он, в частности, в акценте на «фоновой» функции традиции, что для литературоведа-практика будет всегда недостаточно. П.Н. Сакулин, анализируя проблему литературной преемственности и литературных влияний, писал о литературной среде, «которая уже имеет свои традиции. Новые элементы испытывают на себе влияние старых, приспособляются к ним и входят в эволюционную комбинацию с ними. В этом смысле литературная среда, испытывающая влияние, сама становится фактором, образующим новое направление» [11, с. 116]. Подчеркнем, что, по мнению ученого, литературная среда со своими традициями оказывается *самостоятельным фактором* (помимо социальных и иных внешних) литературного развития, формирования нового направления.

А.Н. Соколов понимал традиции в контексте такой важнейшей эстетической категории, как стиль, говоря о *стилевой традиции*, которая

«есть воздействие стиля на стиль, воздействие одной стилевой системы на другую» [12, с. 143]. Тем не менее, он не относит традицию «к числу стилевых факторов» [12, с. 144]. С его точки зрения, «Между факторами и традицией в их воздействии на стиль наблюдается существенное различие. Стилеобразующие факторы, занимая свое место внутри художественного целого, непосредственно определяют его стиль. <…> основное воздействие на стиль как компонент художественного направления оказывают общественно-исторические условия, общественное мировоззрение эпохи. Что же касается воздействия стиля на стиль, то оно не отменяет, а только осложняет эту закономерность» [12, с. 142, 143]. Традиции, согласно ученому, «это особая “сила” в искусстве, воздействующая на стиль независимо от факторов, но и не в отрыве от них. Под влиянием стилевых факторов образуется новый стиль. Традиция хранит черты старого стиля. Взаимодействие традиции и новаторства характеризует процесс развития стиля» [12, с. 144]. Отказ в понимании традиции как стилеобразующего фактора, даже с учетом обоснования стилевой традиции, низводит ее до, хотя и значимого, но «фона», обусловливает некоторую сбивчивость дефиниций («независимо от факторов, но и не в отрыве от них»).

Я.Е. Эльсберг в статье из академической «Теории литературы» связывал понятия стиля и традиции гораздо более определенно: «Верно определить стиль – значит видеть также его предшественников, традиции, им усвоенные, и его место в этом развитии. Необходимо понять содержательный характер стилевых традиций, особенно ясно выступающий в жанрах как формах, каждая из которых предрасположена к содержанию или, лучше сказать, к “содержаниям” известного склада» [29, с. 40], «Самое возникновение индивидуального стиля обусловлено объективными факторами – как стилевыми традициями, всем классическим наследием литературы, так и требованиями метода, самым его существом» [29, с. 49].

А.Ф. Лосев, как известно, является автором развернутой концепции художественного стиля, который он понимал следующим образом: художественный стиль «есть принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей, ощущаемых, однако, имманентно самим художественным структурам произведения» [7, с. 226]. Среди описанных ученым первичных моделей стиля выделяются «Модели, взятые из области литературы, искусства и науки. <…> Такими моделями являются “вечные типы”, переходящие от одной эпохи к другой – Прометей, Агасфер, Дон Жуан, Дон Кихот, Фауст и Мефистофель, Робинзон. <…>

Модели *второго типа* предполагают синтез двух разных видов искусства. Так, например, моделью для литературного произведения является архитектура и живопись (“готический роман”, литература барокко) или музыка (“музыкальный роман” у Роллана)» [7, с. 244, 245, 246]. Литературные, в частности авторские, традиции вполне могут быть и, конечно, многократно бывали, одной из порождающих моделей для стиля современников и потомков того или иного писателя. Они могут обусловливать и обусловливали центральный для концепции стиля А.Ф. Лосева «*принцип конструирования* всего потенциала художественного произведения».

Ю.И. Минералов сосредоточил свое внимание на «проблемах мимесиса художника по отношению к другому художнику (и более широко – по отношению к художественной традиции)» [8, с. 190]. Ученый предметно говорит об *образно-ассоциативных* традициях национальной культуры и необходимости их внимательного анализа [8, с. 27]. С его точки зрения, «Анализ внутренней формы, контекста, авторского стиля, образно-ассоциативных традиций данной национальной литературы суть способы достижения филологической точности» [8, с. 27]. Перспективной представляется мысль ученого о роли творческого переосмысления писателем грамматики национального языка, в чем конкретно и может проявляться стилевой мимесис автора по отношению к традициям в широком (национальные традиции) и в узком (авторские, жанрово-стилевые, иные) смыслах: «грамматика, в принципе, может быть воспринята художником не просто как его “техническое” орудие, но и как полноценный *объект* художественного творчества. Действительно, так бывало неоднократно (поэзия В. Брюсова, С. Кирсанова и др.). По нашему мнению, *индивидуальный стиль в прямом смысле (слог) находится в миметическом отношении к грамматике*» [8, с. 55] (Выделено автором. – *С.В.*).

От теоретического осмысления традиций как «фона» и как «стиля» обратимся к тому, как это понятие реализуется в учебниках для студентов-филологов (на примере дисциплины «История древнерусской литературы»). Речь пойдет прежде всего о том, как понимаются особенности отечественной литературы древнего периода и определяющие ее специфику традиции.

В предисловии к восьмому изданию широко известного учебника по Истории древней русской литературы Н.К. Гудзия А.М. Рранчин писал: «<…> автор учебника верен своему неизменному принципу: сообщать только бесспорное. И, действительно, концепции, в противоположность самим памятникам, преходящи и рождают сомнения. Для Н.К. Гудзия были очень важны методологические правила, о которых напоминал

студентам его учитель В.Н. Перетц: “Никогда нельзя смешивать с анализом документа своих рассуждений и доводов, пополнять “от себя” автора памятника. <…> Нельзя смешивать факты, полученные из документа, с результатами рассуждения”» [1, с. XII]. Таким образом, автор предисловия хвалит учебник Гудзия, говоря о его «свободе от концептуальности». И с этим уже, в отличие от четкого разграничения текста и его интерпретации, невозможно согласиться, ибо наука как раз и призвана внести в осмысление своего предмета концептуальность, а то, что она будет являться временной, преходящей не является ее заведомым изъяном, а прежде всего отражает текучесть, известное несовершенство, принципиальную неполноту научного знания, предполагающего его постоянное расширение и совершенствование. Н.К. Гудзий писал о ряде определяющих традицию чертах древнерусской литературы, например, о проблематичности критерия “литературности”, как и понятия “литературы” в применении ко многим памятникам X–XVII вв. [1, с. 5]. Также он подчеркнул значимость «темы патриотизма, государственного строительства, политического единства и героизма русского народа» [1, с. 8].

И как фон, и как стиль традиция интерпретируется в работах о древнерусской литературе Д.С. Лихачева, уделявшего специальное внимание проблеме художественной специфики древнерусской литературы. Ученый назвал ряд имен отечественных исследователей, занимавшихся этой проблематикой, среди них: Ф.И. Буслаев, Н.С. Тихонравов, В.О. Ключевский, В.П. Адрианова-Перетц, И.П. Еремин и др. [6, с. 5]. Лихачев поставил ряд актуальных вопросов, ответы на которые, очевидно, ученые ищут до сих пор: «Можно ли говорить о древней русской литературе как о некотором единстве с точки зрения исторической поэтики? Существует ли преемственность в развитии русской литературы от древней к новой и в чем суть различий между древней русской литературой и новой?» [6, с. 6]. В его «Поэтике древнерусской литературы» содержится принципиально значимое утверждение о том, что «древнерусская литература носила религиозный характер», что берется «за общие скобки» [6, с. 13] рассуждения (традиция как фон). Вместе с тем, Д.С. Лихачев дал очень существенную оговорку: «Однако если рассматривать этот вопрос детально, картина получится довольно сложная» [6, с. 13]. И, действительно, ученый очень много сделал для того, чтобы понять традицию нашей древней письменной словесности именно как стиль с присущими ему эволюционными формами: стиль монументального историзма, эмоционально-экспрессивный стиль, стиль идеализирующего биографизма, барокко. Пусть эти опорные категории и хронологические